

Коновалов Валерий Николаевич

доктор философских наук,
профессор кафедры конфликтологии
и национальной безопасности
Южного федерального университета

Погосян Гурген Каджикович

независимый исследователь

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Аннотация:

В статье анализируются перспективы разрешения Нагорно-Карабахского конфликта с точки зрения объяснительной модели, раскрывающей логику функционирования международных конфликтов. Эта модель базируется на концепции комплексов региональной безопасности, разработанной в рамках теории секьюритизации представителями Копенгагенской школы исследований безопасности. Авторы статьи рассматривают базовые операциональные элементы данных теорий и применяют их к анализу Нагорно-Карабахского конфликта. Делается вывод о том, что ситуация в Нагорном Карабахе находится в существенной зависимости от внешних акторов. В этой связи важным пунктом научных исследований конфликта является выработка концептуальных принципов, развивающих аналитические рамки теории секьюритизации и теории комплексов региональной безопасности. Подобный подход может способствовать обеспечению стабильности и безопасности на Южном Кавказе.

Ключевые слова:

Копенгагенская школа исследований безопасности, теория секьюритизации, теория комплексов региональной безопасности, международная безопасность, референтный объект, деполитизация, территориальный статус, Нагорно-Карабахский конфликт.

Konovlov Valery Nikolaevich

D.Phil., Professor,
Conflictology and National Security Department,
Southern Federal University

Poghosyan Gurgen Kajikovich

Independent Researcher

THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF SECURITIZATION THEORY

Summary:

The paper analyzes the prospects for resolving the Nagorno-Karabakh conflict from the point of view of an explanatory model that reveals the logic of international conflicts. This model is based on regional security complex theory developed in the framework of securitization theory by representatives of the Copenhagen School of security studies. The authors of the paper consider the basic operational elements of these theories and apply them to the analysis of the Nagorno-Karabakh conflict. It is concluded that the situation in Nagorno-Karabakh depends significantly on external actors. In this context, an important point of research on the conflict is the elaboration of conceptual principles that develop the analytical framework of securitization theory and regional security complex theory. Such an approach can contribute to ensuring stability and security in the South Caucasus.

Keywords:

the Copenhagen School of security studies, securitization theory, regional security complex theory, international security, referent object, depoliticization, territorial status, the Nagorno-Karabakh conflict.

На Большом Кавказе последние несколько десятилетий одним из наиболее взрывоопасных является Нагорно-Карабахский конфликт. Об этом свидетельствует четырехдневная война в апреле 2016 г., которой предшествовал значительный рост военного потенциала. Огромные средства были вложены Азербайджаном в закупки военной техники в России, Израиле, Белоруссии, Украине, Турции и других странах. Всего на оборону было выделено около 3,7 млрд долл. США. Были существенно профинансированы структуры национальной безопасности, включая пограничную службу, внутренние войска и т. д. Гораздо меньшим по сравнению с Азербайджаном (в семь раз) был военный бюджет Армении, шестая часть военных затрат (100 млн долл. США) от этого уровня приходится на военный бюджет непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Таким образом, были задействованы огромные материальные ресурсы для обеспечения баланса сил в противостоянии двух сторон.

Для запуска механизма перераспределения материальных, экономико-финансовых, технических и иных потоков нужны особые движущие силы, которые указали бы на возможные или реальные угрозы обществу и государству с точки зрения безопасности. Одной из таких объяснительных моделей, раскрывающих логику функционирования международных конфликтов, является концепция комплексов региональной безопасности, разработанная в рамках теории секьюритизации.

Рассмотрим, в первую очередь, базовые операциональные элементы теории секьюритизации. Ее разработчиками являются представители Копенгагенской школы исследований безопасности – британский эксперт Б. Бузан и датский ученый О. Вэвер. В наиболее целостном виде авторы изложили теорию комплексов региональной безопасности в книге «Регионы и державы: структура международной безопасности» [1].

Следует отметить, что долгое время исследования в области безопасности представляли собой основу теории международных отношений, в которой проблемы войны и мира были главными сюжетами. Доминировали стратегические исследования с четким сосредоточением внимания на военном аспекте. Однако постепенно стали появляться новые аспекты безопасности, новые риски и угрозы, новые акторы международных отношений, поэтому возникла необходимость расширять спектр представлений о безопасности и выходить за рамки военных характеристик.

Копенгагенская школа отходит от традиционных исследований проблем безопасности. Б. Бузан и О. Вэвер выделяют пять секторов безопасности: военный, политический, экономический, социетальный, инвайронментальный. Главная функция определения – это идентификация субъекта исследования. Сначала безопасность в расширительном плане трактовалась как достижение свободы от угроз. Со временем она обогащалась конкретно-историческим содержанием, в центре которого утвердилась категория секьюритизации.

Теория секьюритизации рассматривает безопасность как «дискурсивный процесс, посредством которого в рамках политического сообщества конструируется intersubъективное понимание угрозы референтному объекту и необходимости принятия срочных и исключительных мер по борьбе с данной экзистенциальной угрозой» [2]. Референтный объект – это объект, чаще всего государство, в отношении которого существует экзистенциальная угроза. Помимо государства, обеспечивающего военную безопасность, референтными объектами могут являться другие сущности (экономика, идеология, идентичность и пр.), предотвращающие те или иные угрозы своей безопасности. Необходимо учитывать, что не все специалисты относят понятие «референтный» к государству. Так, Т.В. Вербицкая считает, что государство не может быть референтным объектом, поскольку это актор, субъект международных отношений, обеспечивающий международную безопасность [3].

Целью дискурсивной практики является изменение расстановки политических приоритетов. В ходе борьбы различных политических сил проблемы безопасности должны принять образ характера угроз, благоприятный для закрепления их в общественном сознании. Если господствующая группа имеет реальные успехи в изменении общественного сознания в свою пользу, то в обществе начинается восприятие угрозы как реальной, оно готово к принятию соответствующих законов, перенаправлению ресурсов, введению чрезвычайного положения и другим мерам предвоенного или военного характера. Если дискурс достигает формы экзистенциальной угрозы в общественном сознании, в референтном объекте утверждается секьюритизация угрозы. Секьюритизации достигает своей цели в случае наличия эффекта положительной аргументации, сопряженной с соответствующей риторикой и определенной семиотической структурой для внутренней и внешней аудитории.

Таким образом, индоктринация аудитории означает секьюритизацию проблемы. Представители Копенгагенской школы обращаются к теории речевых актов Дж. Остина о том, что перформативные высказывания или перформативные речевые акты способны производить действия. Выделяются три типа речевых актов: локутивный акт придает значение определенному высказыванию; иллокутивный акт обеспечивает коммуникативную цель высказывания; перилокутивный акт намеренно воздействует на адресата и достигает определенного результата. Представители Копенгагенской школы в своей теории секьюритизации считают необходимым использовать иллокутивный акт.

Успешность речевого акта зависит от двух благоприятных условий:

- 1) внутренних (лингвистически-грамматических) – правильного выбора речевого акта, построения сценария, отражающего экзистенциальную угрозу;
- 2) внешних (контекстуальных), предполагающих реалистичность подразумеваемых или конкретных угроз безопасности.

Определенную роль также играет авторитет актора в процессе принятия аудиторией его заявления об экзистенциальной угрозе. Проблема успешности секьюритизации в большей степени определяется когнитивной склонностью аудитории принимать те аргументы, которые будут совпадать с представлением о реальной угрозе. При этом остается актуальным вопрос о том, насколько вероятен успех секьюритизации в государствах с авторитарным политическим режимом, где силовые структуры играют доминирующую роль в политике безопасности.

Для Копенгагенской школы характерно рассмотрение секьюритизации в тесной взаимосвязи с такими явлениями, как политизация и деполитизация. Более того, секьюритизация позиционируется как крайняя форма политизации. Если мы рассмотрим какое-либо политическое явление в

историческом разрезе, то увидим, что в любой точке можно наблюдать период, соответствующий понятиям деполитизации, политизации и секьюритизации. При этом деполитизированные вопросы не заостряют на себе общественное внимание и, следовательно, не требуют государственного вмешательства. Концептуальные истоки такого подхода мы найдем в теории К. Шмитта.

К. Шмитт в своей работе «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций» [4] построил цепочку смены центральных событий в истории Нового времени: «теология-метафизика-мораль-экономика», которые составили контекст идейно-духовной жизни XVI–XIX вв. Смена фокуса общественного внимания осуществлялась за счет нейтрализации и деполитизации предыдущего. Каждый раз новая парадигма «деполитизировала» или переносила в сферу частной жизни предыдущие парадигмы в лице теологических, метафизических, моральных вопросов. Другими словами, предыдущие парадигмы уже не требовали достижения по ним политического консенсуса.

Современный исследователь В. Хёсле, будучи сторонником методологии К. Шмитта, развивает другую схему нейтрализации и деполитизации парадигм: религиозная-национальная-экономическая-экологическая [5].

Б. Бузан и О. Вэвер вводят в политологический оборот понятие регионального комплекса безопасности, определяя его как «совокупность образований, процессы секьюритизации и десекуритизации которых настолько взаимосвязаны, что их проблемы безопасности не могут анализироваться или разрешиться отдельно друг от друга» [6]. Всего в период постхолодной войны исследователи выделяют девять образований: Североамериканский; Южноамериканский; Ближневосточный; Южноафриканский; Центральноафриканский; Восточноазиатский; Южноазиатский; Европейский; Постсоветский.

Нас, в первую очередь, будет интересовать постсоветское пространство, точнее один из его субкомплексов. Постсоветский регион, согласно теории Б. Бузана и О. Вэвера, классифицируется как централизованный региональный комплекс безопасности (centered regional security complex) с доминированием одной великой державы – России. Региональный комплекс включает три субкомплекса (полууровня): Европейский субкомплекс (Беларусь, Украина, Молдова); Кавказский субкомплекс (Армения, Азербайджан, Грузия); Азиатский субкомплекс (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан).

Классифицируя региональные комплексы безопасности, Б. Бузан и О. Вэвер формулируют категории «конфликтное образование» (conflict formation), «режим безопасности» (security regime) и «сообщество безопасности» (security community).

Конфликтное образование – модель регионального комплекса, в основе которой лежит взаимозависимость безопасности и страха в связи с использованием войны и насилия в политическом отношении. К этой модели относят региональные комплексы Южной Азии, Ближнего Востока, постсоветского пространства.

Режим безопасности – модель взаимозависимости безопасности, в которой функционируют согласованные своды правил поведения, сдерживающие угрозы войн и насилия. Это регион Южной Америки.

Сообщество безопасности – модель взаимозависимости безопасности, в которой не ожидают и не готовятся к использованию силы в политических отношениях друг с другом. Такая модель характеризует регионы Европы и Северной Америки.

Секьюритизация как теория превратилась в широкую и динамичную область исследований. Как подчеркивают Б. Бузан и О. Вэвер, ключевое различие между секьюритизацией и макросекьюритизацией состоит в том, что последняя характеризуется большим масштабом, чем основные коллективы на средних уровнях. Таким стратегическим уровнем безопасности для секьюритизации стала холодная война, охватившая всю систему международных отношений. Ее завершение стало актом десекуритизации. На смену макросекьюритизации холодной войны приходит терроризм в качестве новой вероятной мировой угрозы. Эту идею Б. Бузан развивает в своей работе «Война с терроризмом» [7]. Отметим, что террористические угрозы исследуются рядом армянских и российских специалистов в рамках теории секьюритизации [8].

Следует отметить инновационность методологии Копенгагенской школы, выделяющей четырехуровневую взаимосвязанность анализа комплекса региональной безопасности [9]:

- первый уровень. Внутри страны в государствах региона. Исследуется конкретная уязвимость государства, определяющая структурные угрозы;
- второй уровень. Отношения между государствами, которые генерируют регион как таковой;
- третий уровень. Взаимодействие региона с соседними регионами;
- четвертый уровень. Роль глобальных держав в регионе (взаимодействие между глобальными и региональными структурами безопасности).

Теория секьюритизация подвергается критике за недостаток практической значимости. Сторонники других школ, базирующихся на либеральных и реалистических подходах, отказывали в использовании ее результатов в международной деятельности. Тем не менее вопросы секьюритизации продолжают находиться на острие теоретических дискуссий. Примером могут служить секции прошедшего в 2018 г. в австралийском Брисбене XXV Всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки, где обсуждались вопросы теории секьюритизация как нового направления в исследованиях проблем безопасности [10].

Как представляется, попытка операционализировать теорию секьюритизации вполне может быть успешной, если применить ее к процессу протекания Нагорно-Карабахского конфликта.

Правовой статус Нагорного Карабаха, безусловно, считается главным препятствием в процессе урегулирования. Однако не менее важную роль играет фактор исторической вражды, порождающий историческую обиду. Конечно, конфликтующими сторонами дается разная интерпретация взаимоотношений, история которых полна политической символики. В своей известной работе «Современная ненависть: политический символизм в этнических конфликтах» С. Кауфман утверждает, что именно политический символизм является настоящей причиной конфликта [11]. Процесс символизации обладает эффектом мультипликатора и может воспроизводиться подобно цепной реакции и в разных ее проявлениях. Одним из таких проявлений является технологии создания образа врага из противоположного лагеря. Понятие «территория» наполнено эмоционально-символической проблематикой, сакральным содержанием. Дискурс защиты своей исторической родины и исторической памяти вызывает не только идеологическую, электоральную, политическую или иную поддержку местного населения, но и преувеличенное чувство опасности, тревоги.

Информационное противостояние сопровождало формирование политической идентичности Нагорного Карабаха. Так, само появление топонима Арцах связано с событиями древней Армении, поскольку он был одной из исторических областей. Сплочению карабахцев способствовала международная изоляция и блокада с азербайджанской стороны, что формировало «синдром осажденной крепости». В этой обстановке укреплялся образ «азатамартика», т. е. «воина-освободителя», в дискурсе которого была заложена неприемлемость территориальных уступок противоположной стороне. В современной информационной войне между противоборствующими сторонами, кроме территориального дискурса, актуализировались сюжеты для внешней аудитории.

Р. Форестье-Уокер в статье «Нагорный Карабах: кто выиграл информационную войну?» приходит к следующему выводу: «Хотя Армении и сепаратистскому Карабаху, возможно, лучше удалось организовать работу с международными СМИ, Азербайджан тоже не оказался совсем беспомощным» [12]. В тексте работы приводится мнение М. Чечире, представителя Филадельфийского Института исследования внешней политики. Американский эксперт полагает, что Азербайджан осуществляет в Вашингтоне и Брюсселе сложные стратегические проекты по работе со СМИ. Постепенно «азербайджанское видение событий стало брать верх в редакционных статьях многих более заметных международных СМИ» [13].

Ш. Степанян, пресс-секретарь Министерства обороны Армении, после очередного воинственного выступления президента Азербайджана заявила, что «давно пора смириться с миром и военным балансом сил в регионе. В противном случае Вооруженным силам Армении придется приумножить результаты трехстороннего перемирия 1994 г., проявив решимость, профессионализм и нанеся сокрушительные удары, защитить совместную безопасность Армении и Арцаха» [14]. Представители силовых структур Армении подчеркивают, что политика Азербайджана до 2016 г. не отличалась в пропагандистском плане от сегодняшнего дня и привела в конечном итоге к апрельской войне. Поэтому, как считает армянская сторона, «к воинственным вспышкам Азербайджана следует относиться серьезно и вести работу, прежде всего, с государствами-посредниками, а также международными организациями и государствами-партнерами Армении» [15].

Г. Бабаян, руководитель Центра кавказоведения Университета Месроп Маштоц, опираясь на анализ средств массовой информации Азербайджана, полагает, что они дезинформируют собственный народ в освещении ситуации в Армении и Нагорном Карабахе, особенно событий апреля 2016 г. [16, с. 34].

В монографии С. Минасяна, посвященной теории и практике сдерживания в Нагорно-Карабахском конфликте, приводится ряд соображений, расширяющих представление о спектре дискурсивной практики в процессе секьюритизации. «Элементами ситуационного сдерживания в кризисной ситуации могут быть: эффективная сигнализация (военные парады, учения в непосредственной близости от зоны конфликта, визиты руководителей дружественных и союзных государств военно-политического характера), демонстративные приобретения новых видов ВВТ (вооружений и военной техники), инициирование соответствующей реакции союзных государств и международных организаций (заключение новых договорно-правовых актов военно-политического характера, обсуждение обстановки в международных организациях), полная или частичная

мобилизация, введение чрезвычайного положения и т. д.» [17, с. 38]. Ситуационное сдерживание в определенных случаях включает силовые акции, и С. Минасян приводит ряд примеров в отношении Нагорно-Карабахского конфликта.

Анализ четырехуровневой взаимосвязанности комплекса региональной безопасности, предложенный представителями Копенгагенской школы исследований безопасности, обладает эвристическим потенциалом применительно к системе внешнеполитических координат Нагорно-Карабахского конфликта. Четыре уровня (внутригосударственный, межгосударственный, межрегиональный и глобальный) обозначаются «конфигурацией безопасности» (security constellation). Каждый уровень конфигурации безопасности имеет свою идейную/когнитивную рамку анализа: «спектр слабых и сильных государств», «паттерн дружественности-враждебности», «вмешательство великих держав».

На внутригосударственном уровне рассматривается «спектр слабых и сильных государств». В нем не отражается военный потенциал государств, а акцентируется внимание на когнитивном, идейном единстве, социально-политической сплоченности, характеризующих «уровень государственной состоятельности». Так, в Нагорно-Карабахском конфликте важным фактором внутренней безопасности является так называемая «асимметрия мотиваций». У армян мотивация более значительна, чем у Азербайджана, поскольку победа или поражение в военном столкновении для Нагорного Карабаха является вопросом выживания его государственности, независимости.

На межгосударственном уровне «паттерн дружественности-враждебности» отражает симпатии и страхи государств в регионе. Нами уже была показана конфронтационность становления политической идентичности в Нагорном Карабахе. На межрегиональном уровне авторы теории региональных комплексов безопасности обращаются к концепции «вмешательства великих держав», которая фиксирует долгосрочное влияние великой державы на структуру внутренней динамики безопасности региона.

Отметим, что, несмотря на внешнее давление со стороны США (включая открытое давление на стороны советника президента США по национальной безопасности), России, Европейского Союза на Армению и Азербайджан после апрельской войны 2016 г., переговорный процесс практически не продвинулся вперед. Вероятность полномасштабной войны Армении, НКР и Азербайджана предполагает возможность втягивания в нее других акторов, например, России, чья 102-я военная база находится на территории Армении; Турции, являющейся ближайшим союзником Азербайджана и членом НАТО; Ирана, имеющего свои интересы в регионе.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что ситуация в Нагорном Карабахе находится в существенной зависимости от внешних акторов. В этой связи важным пунктом научных исследований является выработка концептуальных принципов, развивающих аналитические рамки теории секьюритизации и теории комплекса региональной безопасности. Это может способствовать конвертации этнополитической конфликтогенности в региональную стабильность и безопасность на Южном Кавказе.

Ссылки:

1. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, 2003. 588 p.
2. Ibid. P. 491.
3. Вербицкая Т.В. Референтный объект международной безопасности // *Международное публичное и частное право*. 2017. № 4. С. 21–24.
4. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1, № 2. С. 48–58.
5. Хёсле В. *Философия и экология*. М., 1993. 205 с.
6. Buzan B., Wæver O. *Op. cit.* P. 44.
7. Buzan B. The 'War on Terrorism' as the New 'Macro-secularization' // *Oslo Workshop papers*. 2006. P. 1–25.
8. Khumaryan V. Securitisation of the Rebellion: Armenia's "Terrorism" Discourse in 2016 // *Двенадцатая годовичная научная конференция (4–8 декабря 2017 г.): сборник научных статей / Российско-Армянский университет*. Ч. 1. Ереван, 2018. С. 218–223; Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Ефремова О.В. Дискурс о терроризме в современном мире: анализ с точки зрения теории секьюритизации // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки*. 2017. № 2 (26). С. 81–88.
9. Buzan B., Wæver O. *Op. cit.* P. 51.
10. Mićko B., Riegl M. Borders and Sovereignty: Different Worlds, Different Barriers?; Casaglia A. Reflexions on the Security Shift in the Discourse on EU Borders and Migration: The Mediterranean Space between Humanitarianism and Border Control // *25th IPSA World Congress of Political Science*. URL: <https://wc2018.ipsa.org/events/congress/wc2018/panel/theorising-security-new-directions> (дата обращения: 15.08.2020).
11. Kaufman S. *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*. Inhaca, 2001. 262 p.
12. Форестье-Уокер Р. Нагорный Карабах: кто выиграл информационную войну? // *ИноСМИ*. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160420/236225724.html> (дата обращения: 15.08.2020).
13. Там же.
14. Габриелян Э. Открытые враждебные действия и пропаганда войны // *Аравот – новости Армении*. URL: <https://www.aravot-ru.am/2020/06/04/329296/> (дата обращения: 16.08.2020).
15. Там же.

16. Бабаян Г. Объективная реальность жизни арцахских армян и мифотворчество Агазитпропа // Кавказ – наш общий дом: материалы Международной научной конференции (27–29 октября 2017 г.). Степанакерт, 2017. С. 34–36.
17. Минасян С. Сдерживание в Карабахском конфликте. Ереван, 2016. 276 с.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична